

СУНЬ-ЦЗЫ

ИСКУССТВО ВОЙНЫ

Сунь-цзы

Искусство войны

Серия «Мудрость великих»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48748203

Искусство войны: АСТ; Москва; 2019

ISBN 978-5-17-117477-4

Аннотация

Известный китайский мыслитель Сунь-цзы – один из величайших военных философов и стратегов древности. Его труды по искусству войны, получившие развитие в работах его последователя Сунь Биня, высоко ценили современники. Умение соблюсти баланс силы и слабости, преданности и изворотливости, нападения и миролюбия – ценный навык, который и сегодня изучается в бизнес-школах. Наука вести переговоры, оценивать противника по достоинству и всегда добиваться своего незаменима сегодня для бизнесменов и менеджеров.

Труды изданы в переводе российского синолога, профессора В. В. Малявина и сопровождаются его комментариями.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Содержание

«Сунь-цзы»	5
Глава первая	28
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Сунь-цзы

Искусство войны

© Малявин В. В., 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

«Сунь-цзы»

Военный канон Китая: происхождение и авторство

Трактат «Сунь-цзы», авторство которого традиционно приписывается полководцу Сунь У, с древности почитался в Китае как лучший свод, *summum bonum* военной мудрости. Подобная оценка предполагает, помимо прочего, что эта книга предназначена для чтения не легкого и поверхностного, а, как раньше говорили, медленного, вдумчивого. Это книга, предназначенная для заучивания наизусть, почти впитывания ее в себя до последнего слова или, если можно так выразиться, вчитывания в нее ради интуитивного постижения главного принципа ведения войны, который обеспечивает полноту и системное единство военной стратегии. Ибо «канон» в Китае – как и в каждой культурной традиции – есть, в конечном счете, литературный образ творческого изобилия самой жизни. Он не содержит отвлеченных доказательств и логической системы понятий, ибо не сводит полноту опыта к умозрительным истинам. Он учит внутреннему знанию, которое дает целостное постижение вещей и правильную ориентацию в мировом потоке событий. Он не излагает, а направляет; не сообщает о реальности, а приобщает к ней.

Сунь У известен в предании как победоносный полководец южного царства У, которое находилось в нижнем течении Янцзы. Впрочем, если считать, как было принято в Китае, скрытность первой добродетелью стратега, Сунь У и в этом отношении продемонстрировал недюжинный талант: в исторических документах его времени о его личности и жизни не сохранилось никаких свидетельств. Первые надежные сообщения о Сунь У появляются примерно спустя полтора столетия после его предполагаемых ратных подвигов. Самое имя Сунь-цзы чуть ли не впервые выплывает в его биографии, составленной в I в. до н. э. историком Сыма Цянем. Есть и другие источники: беллетризованные повествования о жизни Сунь У в царстве У, генеалогия его рода. Но все они появились много позже даже жизнеописания Сыма Цяня. Даже самое имя Сунь У (букв. «Воинственный») какое-то подозрительно «говорящее», не столько личное имя, сколько прозвище, данное постфактум.

Самый ранний дошедший до нас текст его трактата тоже относится к довольно позднему времени: он был отпечатан традиционным для Китая ксилографическим способом (т. е. с деревянных досок) в 1080 г.

Но в 1972 г. в местечке Иньцзюэшань пров. Шаньдун в захоронении, датируемым археологами периодом 140–118 гг. до н. э., был найден записанный на бамбуковых дощечках экземпляр трактата Сунь-цзы вместе с некоторыми неизвестными ранее текстами, ему приписываемыми. Было там и

жизнеописание Сунь У, которое оказалось очень близким версии Сыма Цяня, но содержало некоторые неизвестные прежде подробности.

Если верить Сыма Цяню (мнение историографа можно подкрепить рядом других литературных свидетельств древности), Сунь У по происхождению был северянином – уроженцем царства Ци, занимавшего территорию современной провинции Шаньдун. Предание гласит, что он был потомком наследника престола в небольшом уделе Чэнь. В 672 году до н. э. этот принц вследствие дворцовых интриг, был вынужден покинуть родину и получил в Ци должность надзирателя за общественными работами. В Ци этот род носил фамилию Тянь. Праправнук опального принца, Тянь Шу, прославился в войне с южным царством Чу – давним соперником Ци – и за это в 532 г. до н. э. получил от государя удел и фамилию Сунь. Сунь У был внуком Тянь Шу и сыном советника государя, но его семья, как часто бывало в древнем Китае, быстро утратила политическое влияние. Во всяком случае, согласно некоторым известиям, в молодости Сунь У «жил в уединении вдали от мира, и люди не знали о его талантах». Зрелые годы жизни Сунь У приходятся на последние десятилетия VI века до н. э., и это означает, что он был на несколько лет моложе знаменитого ученого и учителя нравственности Конфуция.

Уже совершеннолетним Сунь У переселился в царство У и, как легко предположить, не по своей воле. Поли-

тическая обстановка внутри царств в то время была крайне неустойчивой. Многие царствующие семейства утратили реальную власть, а правящая верхушка погрязла в интригах, усобицах и мятежах. Политических изгнанников можно было встретить всюду. В 523 г. в Ци вспыхнула очередная смута, в которую был вовлечен и близкий Суням род Тянь. Многие исследователи считают именно это событие поводом для отъезда Сунь У. Согласно другому мнению, отъезд Сунь У относится к 518 г. до н. э., когда попал в опалу и умер его дед, который, возможно, приложил руку к составлению военного трактата «Сыма фа». Переселение молодого циского аристократа в полудикое У многим кажется странным. Но примечательно, что в результате «мятежа четырех кланов», случившегося в царстве Ци в 545 году, первый советник циского правителя Цин Фэн бежал именно в У. Означает ли это, что Сунь У был как-то связан с Цин Фэном и предпочел личную преданность патрону кровным узам, поскольку его родичи находились в рядах мятежников? Этого мы, наверное, никогда не узнаем. Но эта догадка вполне соответствует характеру и образу жизни Сунь У: представителю нарождавшегося поколения независимых ученых, превыше верности родне и даже правителю царства ставивших верность нравственным принципам.

На новом месте Сунь У по-прежнему жил скрытно. Возможно, именно тогда он составил свою знаменитую «книгу в 13 главах» (это количество глав его трактат насчитывает

и в традиционной версии, и в списке, обнаруженном в Иньцюэшане). Ему было тогда всего лишь около тридцати лет – возраст, казалось бы, слишком юный для написания канонического труда. Но у гениев свои счеты с жизнью. Трактат молодого стратега, в самом деле, получился настолько философичным, что уже в средневековье появилось мнение, что он написан кабинетным ученым, не имевшим военного опыта. Уже упоминавшийся Е Ши весьма нелицеприятно назвал Сунь У «любителем рассуждать и указывать, а дело не знающим».

Между тем в У произошли события, круто изменившие судьбу талантливого переселенца с Севера. В 515 году наследный принц У по имени Хэлюй (это имя по-разному записано в разных источниках и, кажется, выдает некитайское происхождение его обладателя) захватил престол. Молодой, честолюбивый правитель задумал начать войну против соседнего царства Чу, и его советник У Цзысюй – сам знаменитый полководец и переселенец из соседнего царства Чу – рекомендовал пришельца своему господину в качестве возможного кандидата на должность главнокомандующего царским войском. Хэлюй стал встречаться с беглецом из Ци и беседовать с ним о военных делах. В списке книги «Суньцзы» из Иньцюэшаня, содержатся записи этих бесед. В них, между прочим, сообщается, что Хэлюй посещал «постояльный двор Суней», а сам Сунь У называет себя «чужеземным подданным». Судя по этим записям, Хэлюй, не слишком дове-

ря полководческому таланту Сунь У, все уговаривал его «разыграть военную потеху», а Сунь-цзы несколько покровительственно увещевал своего молодого царственного патрона: «Войну нельзя любить, а войско – орудие несчастья, оно предназначено для пользы, а не забавы». Тем не менее, пришелец с севера утверждал, что его военные методы позволяют сделать отличное войско из кого угодно – знатных людей, простолюдинов и даже женщин. Тогда Хэлюй предложил Сунь У показать свои способности в деле, предложив ему продемонстрировать свое полководческое искусство на самом что ни на есть неблагоприятном материале – наложницах из царского гарема. Сунь У согласился, но превратил потеху в серьезное действо, заставив принца дорого заплатить за свое легкомыслие.

Итак, Хэлюй велел привести из женских покоев дворца сто восемьдесят (по другим данным – все триста) красавиц. Когда эти «новобранцы» собрались в дворцовом зале, стратег приступил к делу: разделил своих «воинов» на два отряда, приказал им облачиться в боевые доспехи, поставил во главе обоих отрядов царских фавориток, а потом стал учить их пользоваться алебардой и выполнять команды.

– Знаете ли вы, где находится сердце, правая и левая рука и спина? – спросил он своих подчиненных.

– Да, знаем, – отвечали те.

– В таком случае, когда я приказываю: «Вперед!», идите туда, куда обращено сердце, когда я говорю: «Правая рука!»,

поворачивайтесь вправо, когда я говорю «Левая рука!», поворачивайтесь влево, когда я говорю «Спина!», идите назад.

Трижды повторив свои разъяснения, Сунь У велел ударить в барабан и скомандовал: «Вперед!». В ответ наложницы только засмеялись, прикрывая рты широкими рукавами своих шелковых халатов.

Сунь У снова объяснил смысл команд и приказал: «Налево!». Вместо того чтобы исполнить приказание, наложницы рассмеялись еще громче.

Сунь У охватил такой гнев, что у него «волосы встали дыбом».

– Если правила неясны, а приказы непонятны, это вина военачальника, – объявил он. – Но если они ясны, а не исполняются в соответствии с воинским уставом, это вина командиров. Какое же наказание, согласно воинскому уставу, положено для провинившихся?

– Отсечение головы! – ответил царский судья, наблюдавший за учениями.

Увидев, что дело приняло дурной оборот, царь поспешил вступить за своих любимиц.

– Я уже убедился в том, что мой подданный умеет командовать войском. Без этих двух наложниц мне, единственному, и еда будет не в радость. Я желаю, чтобы их казнь была отменена!

– Ваш слуга получил высочайшее повеление быть главнокомандующим, а когда главнокомандующий находится при

исполнении обязанностей, он не обязан повиноваться приказам государя! – ответил Сунь У и приказал палачу сделать свое дело.

Потом он назначил командирами отрядов следующих по рангу наложниц, снова выстроил свое войско в боевом порядке и стал отдавать приказания. На сей раз его приказы выполнялись четко и без единого звука. Тогда Сунь У отправил царю донесение: «Теперь войско в полном порядке. Прошу государя лично осмотреть его. Государь может использовать его, как ему заблагорассудится – даже послать хоть в огонь, хоть в воду».

Взбешенный правитель ответил сухо:

– Командующий может отбыть в свое жилище для отдыха. Я, единственный, не желаю проводить инспекцию.

– Государь любит только сидеть и разговаривать, а делать дело не желает, – с убийственной прямоотой заметил в ответ Сунь У.

История о том, как Сунь У преподавал легкомысленному государю жестокий, но по-своему и утонченный урок серьезного отношения к военному делу, – единственный сохранившийся – или, лучше сказать, родившийся – в истории анекдот из жизни великого стратега. Отчасти он помогает понять, почему личность самого знаменитого знатока полеводческого искусства в Китае не слишком располагала к разговорам о забавных случаях из его военной карьеры и почему о ней вообще так мало известно.

К счастью, Хэлюй сумел оценить полководческий талант Сунь У и поручил ему возглавить военную кампанию против западного соседа У – могущественного царства Чу. История этой войны описана в довольно позднем сочинении, появившемся в I в. н. э. Сунь У достойно претворил на практике принципы своей стратегии. Он не стал опрометчиво бросаться на врага, долго выжидал благоприятный момент, а потом за короткий срок, имея под своим началом 30 тысяч воинов, сумел одержать пять побед подряд над двухсоттысячной армией Чу и захватить чускую столицу. Он также убил двух бывших военачальников У, перешедших на сторону Чу. Исторические хроники упоминают об этой блистательной кампании, хотя не сообщают, кто ею руководил. Позднее Сунь У разбил войска царства Юэ на юге, а на северном направлении нанес чувствительные поражения царствам Ци и Цзинь, снискав себе репутацию полководца, не имеющего равных в мире.

На этом сведения о жизни Сунь У обрываются. О его дальнейшей судьбе и смерти ничего не известно. Есть сведения, что он умер в опале и безвестности, а последовавшая вскоре гибель царства У стала в глазах многих возмездием за несправедливость, причиненную его лучшему слуге. Наконец, много позже появилась романтическая легенда о том, что Сунь У, как и подобает возвышенному мужу, оставил службу, раздал пожалованное ему золото простым людям и навсегда ушел в горы. Но известно, что могилу Сунь У в ви-

де огромного холма в трех верстах от уской столицы можно было видеть еще в течение нескольких веков.

* * *

В литературных источниках почти нет сведений о ранней истории письменного наследия Сунь У. Правда, ученый Хань Фэй-цзы в III веке до н. э. заявлял, явно впадая в риторическое преувеличение, что «книги Сунь У хранятся в каждом доме, а состояние войск ухудшается с каждым днем». Полтора века спустя знаменитый историк древности Сыма Цянь отмечал, что «книга Сунь-цзы из 13 глав имеется у многих». Известно также, что несколько знаменитых полководцев древности были большими почитателями Сунь-цзы и применяли его «военные законы» на практике. Тем не менее, на протяжении пяти столетий у главного военного канона Китая не было ни редакторов, ни комментаторов. Нет даже ссылок на него в других сочинениях (если не считать упоминания о нем в трактате «Вэй Ляо-цзы»), хотя в них попадаются скрытые цитаты из «Сунь-цзы». Причиной тому было, возможно, то обстоятельство, что обладатели сей сокровищницы военной мудрости предпочитали не распространяться о ее содержании. А может быть, на то есть и более глубокие причины, относящиеся к области метафизики культуры: на то он и канон, чтобы указывать на безусловную и неизъяснимую реальность жизни, предваряющую все по-

нения. Надо сказать, что многие важные сочинения в китайской традиции – тот же «Дао-Дэ цзин», например – имеют именно такую ауру «виртуального существования»...

Впервые лишь историк I в. Бань Гу в библиографическом разделе своего труда «История династии Ранняя Хань» упоминает о сочинении «Военные законы Сунь-цзы в 82 главах с девятью свитками иллюстраций». В Китае еще и сегодня есть исследователи, которые полагают, что «книгу из 13 глав» Сунь У написал в молодости, а сборник из 82 глав с иллюстрациями был создан в период его второго уединения, незадолго до смерти. Предположение маловероятное. Скорее всего, мы имеем дело с плодом творчества нескольких поколений довольно усердных писателей. Известно, что упомянутые 82 главы включали в себя записи бесед Сунь У с правителем У, рисунки, изображающие боевое построение войска, и проч. Сунь У приписывается также – впрочем, едва ли обоснованно – авторство одного из математических трактатов древности.

О большой популярности личности Сунь-цзы (и, следовательно, его книги) свидетельствует находка в местечке Шан-суньцзячжай на северо-западной окраине Китая в могиле начала I в. н. э. текстов на военные темы, в которых часто фигурирует выражение: «Сунь-цзы сказал». Эти материалы в действительности не имеют отношения к трактату знаменитого полководца и приписываются ему вследствие его авторитета.

В начале III в. известный полководец и знаток военного дела Цао Цао (155–220) написал первый комментарий к книге Сунь У и предложил свою сводную редакцию ее текста, в котором за несколько веков «беспризорного» существования накопилось немало погрешностей и разночтений. В то время были и другие комментаторы «Сунь-цзы», но их произведения затерялись. Прошло еще четыре столетия, прежде чем у главного военного канона Китая появился новый толкователь – некий «господин Мэн» (история не сохранила даже его имени). Наконец, с эпохи династии Тан (VII–IX вв.) изучение и комментирование военного канона приняло регулярный характер. При этом комментаторы нового поколения могли только гадать о первоначальном облике книги. Биография великого стратега выглядела настолько анекдотичной, а происхождение его труда настолько таинственным, что со временем даже появились сомнения в том, что Сунь У был реальным лицом. Один из средневековых ученых (впрочем, больше известный как поэт), Ду Му, полагал даже, что именно Цао Цао свел книгу Сунь-цзы к тринадцати главам, исключив из нее большую часть текстов. Мнение Ду Му, как известно теперь, не соответствует действительности, но оно лишний раз показывает, что ученые средневекового Китая не имели никакого представления о ранней текстологической истории военного канона.

С конца I тысячелетия изучение и комментирование книги Сунь-цзы стали быстро продвигаться вперед. Вскоре

появились и ее печатные издания. Наибольшей известностью пользуется текст, опубликованный в составе традиционных «семи военных канонов» (первое печатное издание – 1080 г.). Второе нормативное издание, которое, правда, лишь в последние два столетия получило широкое распространение – это «Сунь-цзы с одиннадцатью комментаторами». (Фактически комментаторов в этой книге десять, но к ним по традиции добавляют еще составителя энциклопедии «Тун дянь» Ду Ю, включившего в свой труд всю книгу Сунь-цзы.) Самый ранний его экземпляр относится к XII в. Другой древнейший список «Сунь-цзы» имеется в энциклопедии X века «Тайпин юйлань», хотя качество этого текста, как и текста, вошедшего в энциклопедию «Тун дянь», значительно уступает двум изданиям, упомянутым выше. Фрагменты утраченных списков «Сунь-цзы» включены в собрание «Бэйтан шучао» (начало VII в.). Все эти версии изобилуют разночтениями. К счастью, подавляющее большинство из них носит скорее технический характер и не влияет на понимание текста.

Из позднейших изданий, содержащих подробные редакции «Сунь-цзы», отметим «Семь книг военных канонов с прямыми разъяснениями», которые опубликовал в конце XIV века ученый Лю Инь, и текстологический очерк о «Сунь-цзы» в военной энциклопедии «Описание военного снаряжения», составленной Мао Юаньси. Позднее появились и сводные редакции текста памятника. Большую рабо-

ту по редактированию текста «Сунь-цзы» проделали также японские ученые. Появившиеся же за последние десятилетия издания «Сунь-цзы» исчисляются десятками, но лишь немногие из них имеют научную ценность.

Огромное значение для изучения военных канонов и военной стратегии древнего Китая имеют тексты из погребения некоего чиновника Раннеханьской династии в Иньцюэшане (на территории современной пров. Шаньдун). Они включают в себя списки двух военных трактатов: «Военных законов Сунь-цзы» и утерянных еще в древности «Военных законов Сунь Биня». Обе книги представляют собой связки бамбуковых планок и серьезно повреждены временем. В трактате Сунь-цзы, например, поддается прочтению не более трети его объема. Тем не менее, сохранившиеся фрагменты позволяют с уверенностью утверждать, что уже в древности основной корпус книги состоял именно из 13 глав и что ее существующий текст очень точно, даже на удивление точно, воспроизводит его первоначальный вид. Разумеется, имеется и немало расхождений с традиционной версией. Так, в иньцюэшаньском списке книга разделена на две части («связки»), что не лишено смысла, поскольку первые шесть глава трактата посвящены общим вопросам стратегии и теории войны, тогда как вторая его половина (точнее гл. 7-11) в большей степени касается вопросов военной тактики. Порядок глав тоже отчасти не совпадает с традиционным. Вновь найденные тексты заметно отличаются от традицион-

ной версии и в лексическом отношении: они написаны более простым и лапидарным языком, и этот стиль дает немало пищи для размышлений над смыслом чеканных изречений военного канона. Но главное, в целом ряде случаев они предлагают более логичные формулировки. Многие китайские исследователи считают наиболее аутентичной именно эту версию «Сунь-цзы». Среди западных переводчиков решительное предпочтение ей отдают Р. Эймс и переводчики группы Денма. Предлагаемый здесь перевод также в максимальной степени учитывает особенности иньцзюэшаньского списка. Отметим, что вновь найденный список трактата в целом ближе его версиям, вошедшим в средневековые энциклопедии. Это означает, что он имел хождение еще и в ранне-средневековую эпоху и лишь позднее был окончательно вытеснен печатными изданиями трактата.

В том же захоронении были обнаружены еще несколько неизвестных текстов, которые в древности входили в корпус «Военных законов Сунь-цзы». Лучше всего среди них сохранились записи бесед Сунь Ус правителем У, но они большей частью касаются взглядов Сунь-цзы на государственное управление.

Надо признать, однако, что тексты из погребения в Инь-цзюэшане, проливая новый свет на обстоятельства жизни Сунь У и смысл приписываемого ему трактата, мало помогают прояснению ранней истории военного канона. Ряд признаков указывает на то, что они были записаны сравнительно

поздно – спустя примерно двести лет после смерти Сунь У. Но когда появился их прототип?

В современной литературе существуют три точки зрения по вопросу о времени происхождения трактата «Сунь-цзы». Согласно одной из них, книгу следует датировать рубежом VI–V веков до н. э. Согласно другой точке зрения, трактат сложился в основном во второй половине V века до н. э. Наконец, большинство исследователей, особенно на Западе, полагает, что текст «Сунь-цзы» появился не ранее середины IV века до н. э. Это не означает, конечно, что его основные положения не могут восходить к более раннему времени или даже непосредственно к Сунь У. Наконец, не нужно забывать, что сам Сунь У был наследником многовековой традиции военного искусства, и основные принципы его стратегии тесно связаны с жизненными и мировоззренческими основами всей китайской цивилизации.

Надо сказать, что участники дискуссий об авторстве и времени создания трактата «Сунь-цзы» пользуются очень ограниченным набором аргументов и притом косвенного характера. Сторонники более позднего происхождения трактата указывают, что во времена Сунь У еще не были известны авторские книги и что упоминаемая в трактате численность войска выглядит слишком большой для времен Сунь У. Правда, долго бывшая в ходу ссылка на упоминание в книге арбалетов теперь должна быть изъята из этого списка анахронизмов: установлено, что арбалеты уже были извест-

ны во времена Сунь У. Со своей стороны сторонники традиционной версии авторства трактата указывают на отсутствие в нем упоминаний о коннице и осаде крепостей, зато в нем есть свидетельства хорошей осведомленности автора о природных условиях и нравах царства У.

Находки обширного корпуса текстов по военному делу в Иньцзюэшане дали новый импульс спорам об авторстве «Сунь-цзы». Оказалось, что на бамбуковых дощечках из древней могилы был записан трактат полководца Сунь Бина, утерянный еще в годы гибели ханьской империи на рубеже II–III вв. Сунь Бинь – личность вполне историческая. Он жил в IV в. до н. э., был советником главнокомандующего армии Ци и провел несколько блестящих военных операций. Сыма Цянь поместил биографию Сунь Биня вслед за Сунь У, отметив, что оба великих военачальника принадлежали к одному роду. Замечание Сыма Цяня неожиданно нашло подтверждение во вновь найденных текстах. В одном сильно поврежденном месте трактата Сунь Биня расшифрован такой фрагмент: «...Разъяснил это в царствах У и Юэ, поведал об этом в царстве Ци. Это значит: «Тот, кто знает путь рода Сунь, должен объединить Небо и Землю. Род Сунь...». Очевидно, что автор этого суждения, как Сыма Цянь после него, видел в Сунь У и Сунь Бине представителей единой и притом лучшей, наиболее полной традиции военного искусства. Тем не менее, библиографы эпохи Сыма Цяня четко различали Сунь У и Сунь Биня, называя их соответственно «Сунь-цзы

из У» и «Сунь-цзы из Ци».

Иньцзюэшаньские находки получили очень разные оценки в литературе. Одни исследователи увидели в них ясное доказательство того, что Сунь У и Сунь Бинь – разные исторические лица. Другие, наоборот, нашли в них новые аргументы в пользу появившейся еще в старом Китае точке зрения, согласно которой действительным автором трактата «Сунь-цзы» был Сунь Бинь. Этот взгляд представлен, например, в «истории китайской философии» под ред. Жэнь Цзюя. Наиболее подробно он обоснован китайским ученым Гао Юцянем и автором новейшего английского перевода «Сунь-цзы» В. Мэйром. Правда, оба исследователя пытаются обосновать свою догадку опять-таки чисто косвенными и большей частью второстепенными аргументами. Их главный довод, скорее, психологического свойства: последователи Сунь Биня приписали никогда не существовавшему Сунь У лучшую часть наследия их учителя потому, что Сунь Бинь имел позорное увечье, носил клеймо преступника и, кажется, бесславно окончил свои дни. На это легко возразить, что неизвестность и несчастная судьба талантливого человека не мешала древним китайцам считать его автором великого произведения. Даосский философ Чжуан-цзы, младший современник Сунь Биня, даже восхвалял полученное в наказание увечье как метку мудрости. Саму гибель царств У и Ци молва объясняла воздаянием за обиды, причиненные великим полководцам. Кроме того, аргумент «от психологии» проти-

воречит прочим доводам Гао Юцяня и В. Мэйра, которые утверждают, что везде, где в древней литературе упоминается Сунь-цзы, речь идет именно о Сунь Бине и, следовательно, Сунь Бинь пользовался широкой популярностью и даже славой. Наконец, остается непонятным, почему привлекательным двойником Сунь Биня был выбран полностью вымышленный и, если верить Гао Юцяню и В. Мэйру, никому не известный Сунь У? Для такого отождествления должно было иметься хотя бы устное предание, а для подобного предания в очень чувствительном к истории китайском обществе должно было иметься историческое основание.

Мнение В. Мэйра и Гао Юцяня остается не более, чем гипотезой. Из этого не следует, конечно, что обязательно правы многочисленные в Китае исследователи, полностью принимающие традиционную версию и находящие все новые доводы в ее пользу вплоть до заявлений о том, что полководческий талант Сунь-цзы более всего соответствовал нравам жителей У с их воинственностью и склонностью к разного рода хитростям.

Для того чтобы вынести окончательное суждение по проблеме авторства «Сунь-цзы», наука должна разработать гораздо более тонкие критерии оценки лексических и стилистических особенностей древних письменных памятников Китая и иметь более ясные представления о культурной основе этих произведений. Такому пониманию серьезно мешают современные представления об авторстве и судь-

бе книг. Совершенно непродуктивно, например, рассматривать классические сочинения древнего Китая как собрание текстов индивидуальных авторов. Древнейшие книги Китая представляли собой «связки» (*пянь*) деревянных планок, не имевших ни автора, ни заглавия. Тексты, записывавшиеся на этих планках, постоянно видоизменялись, к уже имеющимся планкам прибавлялись новые, и сами связки комбинировались по-разному. Древнекитайская «книга» была, таким образом, в полном смысле памятником предания и притом не отдельного лица, а целой школы (что не мешало приписывать авторство всех текстов предания ее основоположнику как олицетворению ее самобытного «духа»). Предание задавало самое направление мыслей отдельных авторов, которые запечатлевали «на бамбуке и шелке» не столько ход рассуждений, сколько самое побуждение писать, сам импульс к размышлению, обладающий известной смысловой завершенностью, несущий в себе определенную диалектику понятий, динамизм жизненного опыта. По той же причине мы имеем дело не столько с собранием высказываний отдельных личностей, сколько плодом очень цельной и в своем роде последовательной интуиции, которая как бы спонтанно раскрывается с течением времени, обнажая разные пласты и измерения захваченного ею или, по крайней мере, ориентированного на нее мировоззрения. В таком случае то, что с виду кажется сбивчивым и противоречивым изложением (на что часто сетуют западные переводчики китайских канони-

ческих книг) может оказаться в своем роде образцом систематического единства. Более всего в «Сунь-цзы» поражает именно внутреннее единство породившего эту книгу опыта; единство, которое даже не нуждается в поверхностной связности изложения (в древнекитайской словесности, пожалуй, недостижимого), но выражается в череде отточенных, как бы начиненных динамизмом самой жизни афоризмов. Такой стиль несет на себе печать гениальной, но сверхиндивидуальной личности, прорастающей сквозь череду поколений как живое, безошибочно узнаваемое предание. Именно так, как мы уже знаем, относились к наследию Сунь-цзы его восприимчики в древнем Китае.

Ясно, что предание школы не является хаотическим собранием текстов. Как правило, оно структурировано по образцу кланового генеалогического древа, где различаются «ствол» прямого наследования и боковые ветви. Аналогичным образом, в текстах школы различались «внутренние» главы, прямо указывавшие на главный принцип («путь») человеческой практики, и главы «внешние», вторичные, композиционно примыкавшие к отдельным текстам основного ядра традиции, а по смыслу – иллюстрирующие отдельные положения ядра традиции. В Иньцзюэшаньских текстах, напомним, говорится о «пути рода Суней». Те же иньцзюэшаньские находки наглядно продемонстрировали разделение текстов «Сунь-цзы» на две части: основной корпус трактата из 13 глав и несколько явно вторичных дополнительных глав,

развивающих темы основного свода. Находки же в Ганьсу показали, что содержание этих вторичных материалов может иметь очень отдаленное отношение к действительным сюжетам основного трактата.

Известно, что в первые столетия н. э. имели хождение версии «Сунь-цзы» из трех разделов, но впоследствии дополнительные разделы были отсечены от основного собрания текстов как неаутентичные, после чего они затерялись. Разделение «внутренней» части и вторичных наслоений – важнейший момент в становлении любой древней книги и традиции как таковой. Большой смелости от редактора в данном случае не требовалось: как правило, его решение основывалось на уже сложившемся формате книги.

Как видим, традиционная оценка текста в Китае определялась довольно строгими познавательными критериями. В силу того, что канон выражает некое глубинное прозрение, всегда представляющее чем-то иным (согласно смыслу этого слова одновременно единым и другим), т. е. он представляет, так сказать, инаковость каждого взгляда, в нем сосуществуют и перетекают друг в друга разные перспективы видения. Афоризмы Сунь-цзы – настоящие перлы такой «диалектики».

Отсюда проистекает столь характерная для древнекитайской словесности и неизвестная на Западе слитность действительного и фантастического, истории и мифа, склонность древнекитайских авторов к иносказанию и афористи-

ческой недоговоренности, сведению события к анекдоту, т. е. выявлению предела всякого видения и одновременно стиля. В литературном отношении канон есть самоустраняющаяся форма: он указывает на то, что есть, когда этого нет. Оттого же в древнекитайской словесности нет ничего реальнее фантастики и фантастичнее реальности. Вот так мир в момент озарения, необыкновенной ясности сознания, порожденного, помимо прочего и даже чаще всего, смертельной опасностью, т. е. сутью войны, предстает перед нами в ином и даже невероятном свете. Надо помнить, что в традиции мы имеем дело не с описанием фактов, а с самосвидетельствованием сознания. Долговечен не факт сам по себе и даже не мир в его цельности, а устремленность к инобытию, связь миров.

Глава первая

Первоначальные расчеты¹

Комментарий

Цао Цао: «То, что именуется здесь расчетами, имеет отношение к назначению военачальников, оценке силы противника, изучению свойств местности, знанию боеспособности войск и предвидению путей их движения. Расчеты делаются в родовом храме государя (где в древности объявляли о начале военного похода. — *Пер.*)»

Сунь-цзы сказал:

Война² – великое дело³ государства⁴. В то, что составляет

¹ В древних списках «Сунь-цзы» в названии главы фигурирует только одно слово: «планы», «расчеты», «стратагемы» (*цзи*). Эпитет «первоначальные» появляется только в эпоху средневековья, чему возможной причиной была потребность – сознательная или бессознательная – в уточнении смысла этого весьма многозначного понятия. Происхождение названия данной главы отчасти поясняет фраза из древнего трактата «Гуань-цзы»: «В планах необходимо прежде определиться в своем государстве, а потом посылать войско за его границы». Это добавление согласуется также с популярной поговоркой: «сначала составляешь планы, потом воюешь». Отметим, что нумерация глав трактата появляется со списка, содержащего комментарии Цао Цао.

² Фигурирующий в оригинале знак *бин*, переводимый здесь словом «война», может обозначать и военные действия, и войско, и вооружение, и военную силу государства.

³ «Великим делом» государства военные походы, наряду с принесением жертв предкам, названы в древней летописи «Цзо чжуань».

основу⁵ жизни и смерти, путь существования и гибели, нельзя не вникать со всем тщанием.

Комментарий

Ли Цюань: «Оружие – это вещь, сулящая несчастья. Война – опаснейшее дело, и нельзя начинать ее необдуманно».

Цзя Линь: «Тот, кто овладеет выгодами театра военных действий, будет жить, а тот, кто не воспользуется его преимуществами, погибнет. Путь здесь – это способ взвешивания сил и достижения победы».

Посему суди о военном искусстве исходя из пяти обстоятельств⁶, определяй соотношение сил посредством расчетов, чтобы уяснить обстановку.

Пять обстоятельств суть следующие:

Во-первых – Путь, во-вторых – Небо, в-третьих – Земля,

⁴ В ханьском списке «Сунь-цзы» здесь стоит субстантивная частица «е», обычно указывающая окончание предложения. Такое членение фразы кажется более логичным, и именно ей следует настоящий перевод.

⁵ В оригинале употреблен знак «земля», «место» (*ди*), т. е. «территория (на которой решается вопрос) смерти и жизни. В новейших английских переводах говорится о «поле жизни и смерти» (Р. Эймс, В. Мэйр), у Т. Клири – «основание», «почва» (*ground*), у С. Гриффита – «область» (*province*). По мнению Хэ Синя, знак «земля» здесь имеет значение «определение истины». Ню Сяньчжун обращает внимание на связь понятия «места» с *дао* как единством судьбы воинов, их готовности вместе жить или умереть.

⁶ В ханьском списке и некоторых других древних версиях здесь отсутствует слово «обстоятельства». Как предполагает Ван Чжэнсян, оно перешло в основной текст из комментариев к данной фразе.

в-четвертых – Полководец, в-пятых – Правила.

Путь – это когда добиваются такого положения, при котором⁷ народ полностью разделяет намерения правителя и⁸ готов умереть с ним заодно и жить с ним заодно; когда люди живут без обмана⁹,

Комментарий

Цао Цао: «Путем здесь именуется ведение людей

⁷ В издании «Сунь-цзы с десятью комментариями» здесь добавлен знак *и*, который можно перевести как «благодаря чему». Ж.-Ж. Амио толкует знак *дао* как «учение», «руководство» и соответственно переводит: «Учение порождает единство помыслов; оно внушает нам одинаковый способ жить и умирать...». Французские переводчики В. Нике-Кабестан и Ж. Леви переводят понятие Пути (*dao*) в этой фразе словом «добродетель» (*vertu*), причем Ж. Леви ссылается на трактовку этого понятия у Монтескье как «моральной силы, данной народу в его нравах и учреждениях». В переводе С. Гриффита говорится о «моральном влиянии». Тем не менее, отождествление *dao* с «добродетелью» и «моральным влиянием» неоправданно персонализирует это понятие. Р. Эймс и В. Мэйр говорят просто о «пути», причем Р. Эймс необоснованно придает этому пассажи авторитарную тональность: «Путь – это то, что приводит мысли людей к единству с их вышестоящими. Поэтому можешь послать их на смерть или даровать им жизнь, и они все сделают правильно».

⁸ В ханьском списке и некоторых цитатах, сохранившихся в других источниках, в этой фразе отсутствует знак «и», придающий построению фразы оттенок причинности: «и благодаря этому может...». Это слово, добавленное, несомненно, позднее, делает текст более близким нормам современного языка.

⁹ Перевод основан на ханьском списке. В традиционной версии здесь сказано: «(никто) не страшится смертельной опасности» или просто: «никто не ведает страха». По мнению ряда современных китайских публикаторов знак «обманивать», «лукавить» был заменен здесь на сходно звучащие знаки «страшиться опасности». Традиционная версия кажется несколько многословной. Впрочем, и в ханьском списке здесь дважды повторяется слово «народ».

посредством наставлений и приказов».

Господин Мэн: «Тонкость применения войска состоит в том, чтобы искусство властвовать преобразилось в Путь. Когда Путь пришел в упадок, появились законы. Когда законы пришли в упадок, появилась власть. Когда власть пришла в упадок, появилась естественная сила. Когда естественная сила пришла в упадок, появилось искусство. А когда искусство пришло в упадок, появилась наука чисел. Вот почему надо пользоваться искусством властвования так, чтобы верхи и низы имели единые помыслы и симпатии, одно понятие о пользе и вреде. Тогда сердца людей возвратятся к совершенству добродетели (дэ), силы людские найдут применение, и ни в ком не будет корысти».

Ду Му: «Путь – это человечность и справедливость. Когда приходит в расстройство Великий Путь, появляются правила. Когда приходят в расстройство правила, появляется власть. Когда приходит в расстройство власть, появляется сила обстоятельств. Когда приходит в расстройство сила обстоятельств, появляются приемы. Когда приходят в расстройство приемы, появляются планы».

Ван Си: «Путь – это когда правитель завоевывает сердца людей своей добродетелью. Тогда он может побудить людей сражаться за него не на жизнь, а на смерть».

Чжан Юй: «Когда ведут за собой людей посредством милосердия, доверия и справедливости, в

войсках царит единство помыслов, и они с радостью подчиняются приказам командира».

Небо – это свет и мрак¹⁰, холод и жар; таков порядок времени¹¹. [В войне побеждают благодаря тому, следуют ли этому или противодействуют.]¹²

Комментарий

Цао Цао: «Выступить в военный поход, следуя Небу, – значит действовать сообразно порядку сил *инь* и *ян* и четырех времен года».

Господин Мэн: «Войско подражает круговращению небес. Когда оно обороняется, оно подражает силе *инь*, а когда нападает, оно действует, подобно силе *ян*. Небо устанавливает время жары и время холода, а действия войска определяют жизнь и

¹⁰ В оригинале *инь* и *ян*. Имеются в виду соотношения двух этих космических сил, представленные в календаре, астрологических выкладках, гаданиях и проч. В древности существовала даже особая наука военной прогностики, так называемое «военное *инь-ян*». Некоторые средневековые комментаторы отождествляют действие *инь-ян* с теорией Восьми триграмм и Пяти стихий. Текст «Сунь-цзы» не дает оснований для подобной трактовки. Тем не менее, значение понятия «неба», без сомнения, гораздо шире слов «погода» или даже «климат», фигурирующих в некоторых современных переводах.

¹¹ Комментаторская традиция видит здесь указание на смену времен года.

¹² Фраза, взятая в скобки, присутствует только в списке «Сунь-цзы» ханьской эпохи. По мнению Ван Чжэнсяня, знак «противиться» следует заменить взаимозаменяемым с ним в древности знаком «идти навстречу». В результате, данная фраза читается так: «кто этому следует и соответствует, тот в войне побеждает». Прочтение Ван Чжэнсяня кажется более логичным, но оппозиция «следовать-противиться» широко распространена в китайской литературе и тоже может быть принята.

смерть. Небо владеет жизнью всех существ посредством смерти, а войско владеет всеми формами посредством обстоятельств».

Ли Цюань: «Сообразовываться с Небом, следовать Человеку, в соответствии с моментом одолевать неприятеля».

Земля – это места высокие и низкие¹³, расстояния далекие или близкие, местность пересеченная или плоская, проходы широкие или узкие, позиции гибельные или спасительные¹⁴.

Комментарий

Цао Цао: «Здесь говорится о том, что условия девяти видов местности неодинаковы, нужно в соответствии с обстановкой извлекать для себя пользу».

Ли Цюань: «Умея использовать свойства местности, можно занимать позиции, сулящие гибель или дарующие жизнь».

Полководец – это мудрость, доверие, человечность, отвага, строгость.

Комментарий

Цао Цао: «Надлежит сполна иметь все эти пять добродетелей».

Ду Му: «В Пути древних царей превыше всего

¹³ Слова «места высокие и низкие» имеются только в Иньцюэшаньском списке.

¹⁴ В ханьском списке «Сунь-цзы» данная фраза записана следующим образом: «Земля – это высоты или низины, просторы или теснины, расстояния далекие или близкие, местность пересеченная или плоская, проходы широкие или узкие, позиции гибельные или спасительные».

ценилась человечность, среди знатоков войны на первое место ставится мудрость. Мудрость – это умение повелевать в любой обстановке и знание постоянства в переменах. Доверие – это когда наказания и награды не вызывают сомнений. Человечность – это любовь к людям и бережное отношение к другим. Отвага – это умение воспользоваться обстоятельствами для того, чтобы одержать решительную победу. Строгость – это неукоснительное исполнение приказов и наказаний в войсках».

Цзя Линь: «Полагаться только на хитроумие – значит быть разбойником. Отдавать чрезмерную дань человечности – значит проявлять слабость. Излишняя доверчивость – это глупость, безрассудная храбрость – это неистовство, чрезмерно строгие приказы – это жестокость. Пять добродетелей должны находиться в равновесии и исполнять свое предназначение – тогда можно стать хорошим полководцем».

Ван Си: «Мудрый предвидит события и не ведает смущения, может придумывать планы и досконально постигает перемены в обстановке. Если полководец внушает доверие, его приказы исполняют все как один. Человечный может внушить расположение к себе и завоевать людские сердца. Храбрый твердо исполняет долг и может внушить людям нестигаемую стойкость. Строгий своим авторитетом покоряет людские сердца. Все эти пять качеств связаны воедино, нельзя, чтобы отсутствовало хотя бы одно из них».

Правила – это воинский строй, командование¹⁵ и распоряжение ресурсами.

Каждый полководец должен досконально разбираться в этих пяти обстоятельствах военных действий. Тот, кто их понимает, одержит победу, а кто не понимает – победы не добьется. Вот почему нужно определять соотношение сил посредством расчетов, чтобы понять обстановку. А вникать нужно в следующее:

Кто из государей владеет Путем?

Кто из полководцев искуснее?

Кто умеет извлекать преимущества из свойств Неба и Земли?

У кого лучше выполняются правила и приказы?

У кого войско сильнее?

У кого офицеры и воины лучше обучены?

Кто справедливее применяет награды и наказания?

Исходя из этого, мы можем определить, кто одержит победу и кто потерпит поражение.

Полководец, который будет действовать на основании этих расчетов, непременно добьется победы; такого следует оставить на службе. А полководец, который будет действовать, не принимая во внимание этих расчетов, непременно

¹⁵ В оригинале употреблено сочетание знаков *гуань дао*, что можно перевести как «путь управления». Напомним, что понятие «пути» у Сунь-цзы относится, прежде всего, к моральному состоянию войска.

потерпит поражение; такого нельзя держать на службе¹⁶.

Строй расчеты так, чтобы извлечь имеющуюся выгоду. Тогда можно пользоваться себе во благо потенциалом обстановки и так управляться с внешними обстоятельствами. Потенциал обстановки – это то, что позволяет держать под контролем соотношение сил¹⁷ сообразно с доступной выгодой.

Комментарий

Цао Цао: «Здесь говорится о приемах, которые находятся за рамками общепринятых правил. Контроль

¹⁶ Древние комментаторы этого пассажа полагали, что начальный знак *цзян* в обеих фразах имеет свое обычное значение «полководец», и он относится к правителю У, который сам выступал в роли главнокомандующего. Ван Си первым приписал этому слову значение «осуществлять» и получил другое прочтение: «Осуществивший мои слова...». Чжан Юй предложил трактовать его как служебное слово, обозначающее условную конструкцию и будущее время. Согласно его предложению, данную фразу следовало бы читать так: «Если примут мои законы... я останусь, а если не примут... я уйду». Большинство современных исследователей принимают точку зрения Чжан Юя. Она же отражена в новейших переводах Р. Эймса и В. Мэйра. Впрочем, различие между двумя прочтениями несущественно, и большинство комментаторов допускает обоснованность обоих. Лю Инь без видимых оснований высказывает мнение о том, что в данной фразе первый из упоминаемых полководцев обозначает главнокомандующего войском, а второй – подчиненного ему старшего военачальника.

¹⁷ Словами «держать под контролем соотношение сил» передано одно-единственное китайское слово «контролировать», «властвовать» (*цзоань*). Власть или даже, лучше сказать, господство всегда рассматривалась в Китае в контексте умения «держат в равновесии», соразмерять различные силы. Такое господство предполагает и гибкость позиции, и тонкое понимание ситуации. Р. Эймс попытался в своем переводе передать семантические особенности оригинального понятия: «Извлекать все возможное из благоприятных условий и управлять чашами весов в свою пользу».

происходит от расчета соотношения сил, а соотношение сил определяется обстоятельствами».

Цзя Линь: «Рассчитай свою выгоду, познай его замыслы, постигни намерения неприятеля. Тогда ты сможешь применить хитрость и воздействовать на противника всей совокупностью обстоятельств. Внешнее – это нападения с разных сторон».

Мэй Яочэнь: «Определи свой план внутри и создай потенциал обстановки вовне: так добьешься победы».

Ду Му: «Потенциал обстановки нельзя опознать заранее. Иногда пользу для себя можно увидеть из того, что вредно для противника. Иной же раз вред для себя можно увидеть из того, что полезно для противника. Тогда можно контролировать импульс развития событий и так добиваться победы».

Чжан Юй: «Потенциал обстановки – это польза, обретаемая в следовании событиям. Она определяет развитие событий, поэтому о ней нельзя говорить заранее».

Комментарий переводчика:

В этой фразе впервые встречается одно из ключевых понятий китайской стратегии – «потенциал», «сила обстоятельств» (*ши*), «стратегическое преимущество», в переводе Н. И. Конрада – «мощь». Понятие это чудесным образом совмещает в себе и контроль над ситуацией, и смену тактики в соответствии с обстоятельствами, и способность «справляться со всем внешним». Здесь же впервые встречается

одно из важнейших понятий китайской тактики – «контролирование соотношения сил» (*цзоань*).

Война – это путь¹⁸ обмана.

Комментарий

Цао Цао: «Военные действия не имеют постоянной формы, Путь войны – это обман и хитрость».

Мэй Яочэнь: «Без обмана невозможно обеспечить себе господство на войне, а без стратегии нельзя победить».

Ван Си: «Обман – это способ одержать победу над противником. Доверие – это способ руководить своим войском».

Чжан Юй: «Хотя применение войска коренится в человечности и справедливости, победа достигается непременно с помощью обмана».

Поэтому, если способен на что-то, показывай противнику, будто неспособен.

Если готов действовать, показывай, будто действовать не готов.

Если находишься вблизи, показывай, будто ты далеко.

Если ты далеко, показывай, будто ты близко.

Заманивай его выгодой и покоряй его, сея в его стане раз-

¹⁸ В китайском тексте термин *дао* всегда предполагает моральную оправданность и наличие определенных принципов действия. Мы были бы не так уж далеки от истины, если бы перевели эту знаменитую сентенцию так: «Война – это правда обмана». Р. Эймс говорит «искусство обмана». Т. Клири сбивается на обыденную речь: «Военные действия предполагают обман».

дору.

А если у него всего в достатке, будь начеку.

Комментарий

Ду Му: Здесь говорится о том, что, если в военных действиях было долгое затишье, а в стане противника царит образцовый порядок, верхи и низы действуют в согласии, награды и наказания раздаются открыто и честно, тогда надо быть особенно начеку и не бросаться за приготовления, когда уже вступил в соприкосновение неприятелем».

Чэнь Хао: «Если противник не движется, а всего имеет в достатке, нужно тщательно готовиться к бою. Сделай так, чтобы и у тебя всего было в достатке, чтобы быть готовым к противостоянию».

Если он силен, уклоняйся от него.

Если в нем нет покоя, приведи его в неистовство.

Комментарий

Цао Цао: «Дождись, когда в стане неприятеля будет разброд».

Ду Му: «Если вражеский командующий упрям и норовист, можно возбудить в нем ярость – тогда он потеряет разум, даст волю гневу и забудет о своих изначальных планах».

Покажи себя робким, чтобы разжечь в нем гордыню¹⁹.

¹⁹ Эта и последующие две фразы (всего 12 знаков) отсутствует в опубликованном Иньцзюшаньском тексте. В тексте из собрания военных канонов здесь, напротив, к традиционному списку добавлены две фразы: «если у него вдоволь

Если он свеж, утоми его.

Если его войско сплоченно, посе́й в нем раздор.

Комментарий

Чэнь Хао: «Если неприятельский полководец скуп, будь щедр. Если он строг, будь мягок. Тогда между командованием и подчиненными в войске противника возникнет разлад, и им можно воспользоваться».

провианта, сделай так, чтобы он голодал; если он в покое, заставь его передвигаться».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.